

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
И75

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Sabrina York

LANA AND THE LAIRD

Перевод с английского *А.Е. Мосейченко*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыши*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Йорк, Сабрина.

И75 Влюбленный лэрд : [роман] / Сабрина Йорк ; [пер. с англ. А. Е. Мосейченко]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-122210-9

Лахлан Синклер уверен: ему предстоит стать следующей жертвой фамильного проклятия, несущего гибель каждому старшему сыну в его роду в возрасте тридцати лет... А до тридцатилетия лэрду осталось полгода.

Казалось бы, помощи ждать неоткуда, ибо жертве проклятия не в силах помочь ни меч, ни молитва. Однако неожиданно он встречает в уединенном поместье в глухом Шотландском Нагорье прелестную Лану Даунрей — девушку, которая, по слухам, обладает «вторым зрением», как кельты издавна именуют дар ясновидения. Девушку, которой предсказано в видениях, что именно ей предназначено судьбой отвести от Лахлана погибель и получить в награду его любовь, руку и сердце...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Sabrina York, 2016
© Перевод. А.Е. Мосейченко, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-122210-9

Глава 1

Июль 1813 года

Акерджил, Кейтнесс, Шотландия

Среди ночи его разбудил знакомый, леденящий сердце голос. Лахлан Синклер задрожал, но не от холода, а от ужаса. Волосы на его голове встали дыбом, в висках быстро-быстро застучало, а на лбу выступил пот. Он замер, мысленно запрещая себе прятаться с головой под одеялом. Легче от этого не станет — это уже было не раз проверено на опыте.

— Лахлан-н, — завывал голос под позвякивание цепей. — Лахлан-н.

Казалось, завывания заполнили всю комнату. От немолкаемых заунывных стенаний дыхание перехватило. Лахлан попытался прогнать наваждение прочь, но тяжелый давящий сон не желал отступать, а просыпаться не хотелось, тем более учитывая, что он знал, что его ждет.

Усилием воли он открыл глаза. Он видел это много-много раз, но привыкнуть к такому зрелищу было невозможно. Страх парализовал его. Лахлан сжался и замер.

Склонившись над его кроватью, стоял мертвенно-бледный призрак с зияющими пустотой глазницами. Взлохмаченные волосы, оборванная одежда и позвякивающие цепи вызывали ужас. Несмотря на высокий рост и широкие плечи, несмотря на всю свою внушительность, освещенный тусклым светом ночника призрак мерцал и колебался.

Они были очень похожи. На Лахлана словно из зеркала смотрело его отражение — только сильно изнуренное, бледное, с резкими морщинами.

Это был его отец — Уильям Синклер.

Во всяком случае, то, что от него осталось.

— Лахлан, спаси меня!

Приказ прозвучал как-то жалко. Тяжкое бремя — спасать бессмертные души своих предков, но именно такой удел выпал на долю Лахлана. Это его изводило, но, увы, только он один мог дать их душам долгожданный покой.

Но для этого надо было совершить настоящий подвиг.

— Умоляю, — зывал призрак, протягивая вперед руки.

Цепи на запястьях зазвенели столь же жалостливо.

Но тут призрак испуганно оглянулся назад. Очевидно, его что-то напугало. С жалобным воплем он исчез.

В спальне стало тихо. Лахлан облегченно вздохнул, хотя его по-прежнему била нервная дрожь. И так каждый раз. Им овладевал панический ужас, и ничего нельзя было поделать. Страх побеждал. Хотя здравый смысл твердил, что перед ним всего лишь призрак.

Да, именно призрак или привидение. Но все было намного сложнее.

Привидение напоминало Лахлану о надвигавшемся конце.

Скоро ему будет тридцать, и чем ближе была эта дата, тем чаще возникал перед ним призрак отца, тем настойчивее звучали его мольбы. По-видимому, привидение тоже знало, что времени осталось мало.

Настолько мало, что беззаботный сон казался непротитительной роскошью.

Лахлан резко отшвырнул одеяло. Настолько резко, что на какое-то мгновение стены комнаты закружились, но тяжкое сновидение, словно туман застилавшее его сознание, не торопилось отпустить свою жертву.

В Шотландии, где, как он надеялся, все должно было прекратиться, его сновидения стали еще ярче, мучительнее и продолжительнее. Ночные приступы страха были настолько сильными, что он уже не знал, как

4 с ними справляться.

Была глубокая ночь, однако сна как не бывало. Лахлан посмотрел на склянку с настойкой опия. Лондонский врач назначил ему надежное и верное средство для успокоения возбужденных нервов.

Теперь это больше походило на злую шутку или издевательство. Лекарство не уменьшало его страдания, а напротив, увеличивало их. По ночам он буквально трясся от страха.

Лахлан пристально посмотрел на пузырек с опиумом. Ему уже не раз приходила в голову мысль, что в этой склянке скрыто его спасение. Немного смелости и твердости духа: всего несколько глотков, а потом вечный покой. Конец ночным кошмарам. Призрак больше не будет к нему приставать, мучить и изводить своими мольбами.

Искушение, конечно, было очень велико.

Но на столь «отважный» поступок ему просто не хватало духа.

Кроме того, перед смертью ему следовало закончить несколько дел, и их было немало. Он был последним в роду, и чувство долга перед предками обязывало его привести все дела в надлежащий порядок. Во всяком случае, сделать то, что было в его силах.

Он решительно выбросил из головы мысль о настойке опия. Нельзя быть столь малодушным.

«Пусть моя гибель предрешена, но я сам, — поклялся про себя Лахлан, — не стану искать смерти».

Нетвердыми шагами он подошел к шкафу с одеждой. Простые брюки и белая рубашка — то, во что можно было одеться без помощи прислуги — составили его незамысловатый наряд. В столь поздний час немногочисленные все еще оставшиеся в замке слуги крепко спали. Даже если разбудить посреди ночи верного Дугала, служившего Лахлану с незапамятных времен, его вряд ли обрадует столь ранний подъем.

Эти ночные часы принадлежали только ему. Ему одному и никому больше.

С зажженным светильником Лахлан вышел в пустынный зал родового гнезда Синклеров,

древние стены которого были в глубоких трещинах, а местами даже осыпались. Из всех щелей тянуло холодом. Лахлан торопливо пересек зал. Он направлялся в картинную галерею, где висели портреты его предков, именно там он коротал ночные часы.

С портретов на него глядели давно умершие представители рода Синклеров. Это были сплошь молодые люди в полном расцвете сил, без единого седого волоса. И не удивительно! После того как любому из Синклеров переваливало за тридцать, они долго на свете не заживались. Лахлан остановился перед крайним, написанным совсем недавно портретом, на котором был изображен его отец, и принялся вглядываться в знакомые черты. Да, именно это лицо являлось перед его мысленным взором каждую ночь. Дольше смотреть на лицо отца было тяжело, и, отведя взор, Лахлан прошел дальше — к неглубокой нише, где скрывался портрет другого Синклера. Этот портрет как будто прятался от людских глаз, и не зря. Забыть о том, что наделал изображенный на нем негодяй, было невозможно, как и простить его.

По возрасту он резко отличался от других Синклеров, это был почти старик — лицо все в морщинах, поседевшие волосы. В отличие от его потомков, барон Росслин дожил до очень почтенного возраста — до шестидесяти пяти.

На нем был наряд, который носили в начале четырнадцатого века. Барон Росслин стоял, гордо выпрямившись, на его губах играла злобная, самодовольная улыбка. Он словно насмехался над своими потомками. В руках он держал священную реликвию — крест шотландских королей. Крест был сделан из золота и усыпан драгоценными камнями, а также украшен изображением красного оленя, символа клана Синклеров.

По одним сведениям, священный крест привезли из Святой Земли после одного из крестовых походов, по другим — крест принадлежал какой-то колдунье из племени друидов. Как бы там ни было, но обе истории сходились в одном. Согласно преданию,

крест символизировал собой сердце Шотландии, и роду Синклеров была доверена высокая честь — хранить его.

К сожалению, как говорилось дальше в предании, Синклеры плохо справились с порученной задачей.

Последним хранителем креста был барон Росслин. Из-за неумной жадности он за огромные деньги, а также за право носить титул герцога Кейтнесса продал реликвию злейшему врагу Шотландии — английскому королю Эдварду I.

Росслин даже не задумывался о том, какое страшное проклятие навлечет на его род его поступок. Как ни странно, но его самого проклятие не коснулось. Герцог Кейтнесс прожил долгую и, в общем, счастливую жизнь. Проклятие легло на его сына, а потом на его внуков и правнуков. На всех последующих наследников первого герцога Кейтнесса. Род Синклеров был проклят и останется проклятым до тех пор, пока крест снова не окажется в их руках.

К сожалению, это была невыполнимая задача. Крест невозможно вернуть. Дело в том, что Эдвард I, получивший прозвище Молот Скоттов и стремившийся любой ценой подчинить себе жившие на севере шотландские племена, разбил крест на три части и выбросил их в море.

В то время никто из Синклеров не удосужился прислушаться к бессвязному бормотанию одной жившей в лесу и тоже считавшейся хранительницей креста старухи. Узнав об утрате реликвии, старая колдунья горько заплакала и прокляла Синклеров. Никто не обратил внимание ни на ее проклятие, ни на загадочное исчезновение сокровищ Росслина, которые молва окрестила «тридцатью серебряниками».

О проклятии вспомнили только после того, как второй герцог Кейтнесс, сын Росслина, неожиданно скончался накануне своего тридцатилетия. Затем точно в таком же возрасте умер третий герцог Кейтнесс, а потом четвертый... Тогда смертельно напуганные герцоги Кейтнесс бросились искать утраченную реликвию.

Несмотря на все усилия, найти ничего не удалось, даже самого малюсенького кусочка.

Разве мог здравомыслящий человек всерьез воспринимать проклятие?! Поэтому поначалу Лахлан лишь усмехался. Но только до поры до времени. Полная забав и наслаждений жизнь светского лондонского шалопаю невольно заставляла забыть о старых бреднях.

Так продолжалось до тех пор, пока его не начали мучить ночные видения. Загробный голос призывал его, пугая до смерти, и от этого уже нельзя было так легко отмахнуться.

Скоро ему должно было исполниться тридцать, роковая дата, и с каждым проходящим днем Лахлан почти физически ощущал, что вокруг него, сжимаясь все теснее и теснее, смыкаются стены. В его сознании непрерывно тикали часы, повторяя одно и то же: «У тебя так мало времени и еще так много дел, роковой день все ближе, а жить тебе остается все меньше». От таких мыслей ныло в груди, становилось трудно дышать, воздуха не хватало.

Странное было состояние и плохо объяснимое. Иногда Лахлану казалось, что это задыхается его бессмертная душа, иногда — что души умерших предков садятся ему на грудь и сдавливают ее.

Слабым утешением служила мысль, что с его смертью все закончится. Род Синклеров полностью угаснет, больше никто из них не будет мучиться. Как ни грустны были подобные мысли, но от них невольно становилось легче.

Отодвинув от стены старое запыленное кресло, Лахлан уселся на него и принялся внимательно и задумчиво рассматривать портрет герцога Кейтнесса, виновника его несчастья. Ветер завывал за стенами замка, дождь стучал в окно, вода струйками стекала по стеклу и карнизу; по углам залы как будто колыхались и ползли неясные тени. При тускнеющем свете лампы Лахлан долго и пристально смотрел на крест в руках старого

8 герцога Синклера.

— Лахлан.

Звук человеческого голоса вырвал его из сонного оцепенения. Лахлан вздрогнул, руки судорожно стиснули подлокотники кресла. Сердце подпрыгнуло и бешено заколотилось в груди. Неужели снова призрак? Он замер, похолодев от ужаса. Но через миг, окончательно проснувшись, понял, что, к счастью, ошибся. Рядом с ним стоял Маккинни, старый дворецкий, самый преданный его слуга.

Лахлан глубоко вздохнул. Лицо Маккинни излучало искреннюю заботу, от него так и веяло теплом и спокойствием. Дворецкий снял руку с плеча Лахлана и отступил на шаг, не сводя со своего господина заботливого взгляда.

Маккинни не был красив, но его грубые, слишком резкие черты смягчала трогательная нежность, светившаяся в его глазах. У Лахлана не было и тени сомнения в преданности старого слуги. Только Маккинни и Дугал, его кузен из клана Макбина, были по-настоящему ему верны. Они служили ему верой и правдой точно так же, как на протяжении многих веков служили герцогам Синклерам их предки.

— Ваша светлость, с вами все в порядке?

Нет, он был далеко не в порядке. Чувствовал Лахлан себя прескверно. Его бил озноб, на лбу выступила испарина; он испытывал как душевные, так и физические муки.

— Да, все в порядке. — Лахлан сумел выдавить из себя жалкое подобие улыбки.

— Ваша светлость, неужели вы здесь провели ночь? — Дворецкий удивленно вскинул вверх седые кустистые брови. — Спать здесь неудобно и вредно для здоровья. Тут можно запросто простудиться.

Дворецкий тревожился не зря. В старом зале и примыкавшем к нему коридоре гуляли такие сквозняки, что, казалось, от холода ежились и мерзли даже предки на портретах.

— Я немного задремал.

Краткий сон принес Лахлану желанное облегчение. Из-за частых ночных кошмаров в последнее время он почти совсем не спал. Бессонница измучила его, измотала его нервы до предела.

Маккинни нахмурился. Впрочем, он всегда выглядел мрачным и хмурым.

— Ваша светлость, простите за беспокойство. Вас ждет гость.

— Гость? — Удивлению Лахлана не было предела. Убогость и неопрятность старого замка мало у кого вызывали желание навестить хозяина, а привидения отбили последнюю охоту у тех немногих, у кого она еще оставалась. Не только гости, но и большая часть прислуги, напуганная ночными завываниями и подозрительными несчастными случаями, происходившими с хозяевами, покинула замок. Жители близлежащей деревни, прекрасно осведомленные о темной истории рода Синклеров, ни в какую не хотели поступать на службу в замок к своему господину, особенно сейчас.

Это лишь усугубляло мрачную атмосферу замка.

Маккинни откашлялся, а затем весомо произнес:

— Ваша светлость, к вам пожаловал барон Олриг.

— Хорошо. — У Лахлана сжалось сердце.

По возвращению домой, в Шотландию, охваченный грандиозными планами восстановления и обустройства родового гнезда, Лахлан разослал всем своим баронам приглашения посетить замок Кейтнесс. Хотя они были его вассалами, Лахлан, не зная, как они воспримут его повеления, готовился к встрече с каждым из них не без внутреннего волнения. Однако сегодня у него не было никакого настроения говорить о чем бы то ни было с кем-либо из них.

Тем более что первые встречи произвели удручающее впечатление. Бауэр, Халкерк и Уик выслушали его указания, язвительно и неприязненно улыбаясь, а Даннет — тот вообще держался откровенно грубо. С недовольным и хмурым видом выслушал все от начала до

ся и, громко топая, быстро вышел из зала. Своевольные и упрямые, как черти, бароны ни за что не хотели ему подчиняться.

Ничего удивительного, таковы шотландцы. В Лондоне все было иначе, титул герцога, даже родом из Северной Шотландии, вызывал у английских дворян намного большее почтение. Хотя к английскому почтению и при-мешивалась изрядная доля презрения к шотландцам. Во-лей-неволей, но Лахлану пришлось привыкать к подобной манере общения, и хотя он и был шотландцем, все-таки сумел приспособиться к царившей в лондонском свете атмосфере.

Лахлан не был настолько глуп, чтобы надеяться на проявление приязни или доброжелательности со стороны своих вассалов, однако все-таки рассчитывал на взаимную вежливость и, разумеется, на повиновение. Прежде чем умереть, он хотел успеть завершить многое из того, что задумал, но для этого нужно было, чтобы все его пожелания и повеления исполнялись.

Странно, но поведение Даннета больно его задело. Более того, оно казалось просто возмутительным, но, что еще удивительнее, импонировало Лахлану. Спокойная самоуверенность грубоватого шотландца пришлась ему по душе, к тому же Даннет был не лишен здравого смысла и обладал явными задатками лидера. В другое время и при других обстоятельствах Лахлан был бы рад дружбе с таким сильным человеком, как Даннет, но не сейчас.

— Ваша светлость, Олриг ждет вас в синей гостиной.

Однако упомянутая гостиная никак не соответствовала своему названию. В действительности она выглядела серой и мрачной. По всей видимости, в Шотландии под словом «синяя» подразумевалось что-то другое, нежели в Лондоне. Впрочем, для Шотландии подобные расхождения были в порядке вещей.

Лахлан встал.

— Мне надо умыться и переодеться. Постарайся как-нибудь развлечь гостя.

Как ни горько в этом себе признаваться, но ему больше не к кому было обратиться за помощью.

— Постараюсь, ваша светлость.

Маккинни отправился развлекать барона Олрига, а Лахлан поспешно прошел к себе. От его быстрых шагов ветхие стены замка осыпались буквально на глазах, сами собой отваливались куски штукатурки, а местами, там, где валялись выпавшие из них камни, стены были опасно наклонены, грозя окончательно обвалиться.

На пороге спальни его уже поджидал верный Дугал.

— Где вы были ночью? — коротко буркнул он.

Не обращая внимания на вечное ворчание старого слуги, Лахлан честно признался:

— Не мог уснуть.

— Как, опять? — Дугал недовольно скривился. — Неужели вы забыли принять лекарство?

— Не забыл. Но от него только хуже.

— М-да, — протянул Дугал и задумался.

Он все понимал без лишних слов, и у Лахлана не было от него никаких тайн. Дугал был не просто его родственником, а именно четвероюродным кузенком, он был другом детства. Когда они выросли, Дугал стал его поверенным лицом, тем, кому можно было доверить любую тайну. По возвращении домой на плечи Дугала, кроме всего прочего, легли обязанности секретаря. Дело в том, что нанятый специально для этой цели человек после одной-единственной ночи, проведенной в замке Синклеров, позорно бежал назад в Лондон. Ночью его навестило привидение, напугавшее его до смерти. Оно грозно выло и назойливо шумело, выбрасывая книги из книжного шкафа в спальне гостя.

Трудно представить, каково было бы Лахлану, не оказись рядом с ним также Колина, отца Дугала. Горько бы ему пришлось, очень горько. После неожиданной трагической смерти отца именно дядя Колин взял на себя все заботы о пятилетнем герцоге. Он увез бледного, напуганного мальчика из шотландского замка

разование, достойное его высокого титула и положения в обществе. Отъезд в Лондон принес немало выгод. Лахлану не пришлось все это время жить в замке, ставшем причиной сумасшествия его отца. Он на протяжении многих лет жил в Лондоне и был избавлен от угнетающей атмосферы родового гнезда, которая постоянно напоминала бы о страшном проклятии рода Синклеров.

Но, как известно, от проклятия нельзя никуда спрятаться, на то оно и проклятие, в назначенный срок оно обязательно сбывается.

— Может, обратиться к другому врачу? — сказал Дугал. Порой, волнуясь о здоровье своего господина, он бывал чересчур заботлив, если не назойлив. Но Лахлан устал от врачей и от их бесплодных попыток его вылечить.

Он не сомневался в том, что страдает непонятным душевным расстройством, перед которым медицина бессильна.

— Раз вас мучает бессонница, почему бы тогда не пить на ночь еще больше лекарства?

Лахлан досадливо поморщился. Меньше всего ему хотелось отуманивать свое сознание, отравляя себя смертельно опасным ядом.

— А не отказаться ли мне совсем от этого лекарства? Я уже подумывал об этом.

Дугал, отступив на шаг назад, удивленно вытаращился на него:

— Что это за глупости?! Врач считает, лекарство необходимо...

— Брось, Дугал. Я все равно плохо сплю, а от опия мне только хуже.

— Лучше плохо спать, чем не спать вовсе.

Нет, не лучше. Ничуть не лучше. Лахлан готов был поспорить.

— Вам нельзя отказываться от настойки, — проворчал Дугал.

В ответ Лахлан буркнул что-то нечленораздельное. Ему не хотелось ни спорить, ни согла-

шаться: в конце концов, кто из них здесь хозяин? Почему он, будучи герцогом, не может поступать так, как ему хочется?

— Надо пригласить другого врача, — упорно гнул свое Дугал.

Подобная настойчивость действовала на нервы. Лахлан предостерегающе поднял руку и твердо произнес:

— Довольно.

Дугал сразу расстроился. Лахлан улыбнулся, желая улыбкой смягчить невольную резкость своего отказа.

— Ко мне пришел гость. Мне надо переодеться. Позови, пожалуйста, Талли.

В Лондоне все было намного проще. Для того чтобы вызвать лакея, достаточно было позвонить в колокольчик, дернув за шнур. Но здесь казалось — в этом Лахлану пришлось не раз убедиться на собственном опыте, — что звон колокольчика наполняет собой весь замок, поднимая ненужную тревогу.

Вместо того чтобы позвать Талли, Дугал, негромко ворча что-то себе под нос, подошел к шкафу с вещами и принялся там копать.

Лахлан удивленно вскинул брови:

— Где Талли?

Дугал, словно не расслышав вопроса, пару раз кашлянул.

— Сегодня я помогу вам одеваться.

— Где Талли?

— Он, гм-гм, уехал, — глухо проворчал Дугал, чуть отвернувшись в сторону. Но в этом не было никакой необходимости — даже не видя его лица, Лахлан знал, как горько верному Дугалу и как ему жаль своего господина. Впрочем, бегство прислуги стало обыденным явлением.

— Уехал?!

Слуги, которые приехали с ним в замок, сбегали один за другим, пока не удрали обратно в Лондон все до единого. Как бы Лахлан ни притворялся, что его это не волнует, но каждый такой уход причинял ему боль. Бегство Талли расстроило его сильнее

всего. Лахлану даже не приходило в голову, что Талли, бывший солдат, который, как ему казалось, был скроен из более крепкого материала, тоже сбежит, подавшись страху.

Лахлана не тяготила уединенная жизнь в замке, но жить без прислуги было и неудобно, и непривычно, и, что уж греха таить, совсем безрадостно.

— Да, уехал, как и все остальные. Он не захотел больше оставаться в замке, он божился, что... — Дугал запнулся на полуслове и смущенно замолк. Но Лахлану все было ясно без слов. Об этом шептались все и выводы делали одинаковые.

В замке жили привидения. Что было сущей правдой. Да, привидения, без всякого преувеличения.

Если бы было возможно, он бы снес замок до основания и на его месте построил новый. В соответствии с современными вкусами. В новом замке нечему было бы скрипеть, издавать странный треск или тем более стоны или завывания. Увы, это было невозможно. Призрак отца он видел совершенно ясно. Прежде чем он умрет, он должен полностью восстановить замок, а вместе с ним и честь рода Синклеров. Оставить будущим поколениям память о прошлом — старинный величественный замок, где на протяжении веков жили правители этой земли. Нечто грандиозное...

Но почему-то ничего у него не получалось. Любое его начинание, за что бы он ни брался, гибло в зародыше. Строительные леса обваливались, рабочие разбежались, толком даже не приступив к работе. Иногда казалось, что все его усилия разбиваются о незримую божественную волю.

Когда дела шли наперекосяк и бессильно опускались руки, двое его верных слуг — Дугал и Маккинни — утешали и подбадривали его, как только могли. Трудно было даже представить, каково бы Лахлану пришлось, если бы рядом с ним не было этих двоих. Не будь их рядом, он оказался бы — без всякого преувеличения — в полном одиночестве.